

UDC 930.85

Roman Empire and Central Asia

Ubaldo Lugli

University of World Economy and Diplomacy, Uzbekistan
54, Mustaqillik Ave, 100137, Tashkent
Dr. (Sociology), Professor
E-mail: ubaldolugli.uwed@gmail.com

Abstract. This article is aimed at retracing the interrelations of ancient Roman and Asian civilizations; a key focus is made on Asian cultural heritage. The commercial and trade commercial relations are considered, which led the way to development of both as well as military clashes and claiming territories by both civilizations. A due attention is paid to the influence of different ancient establishments on the Asian territory, converting thereafter Rome into a truly multicultural and cosmopolitan empire.

Keywords: Roman Empire; India; Persia; China; Great Silk Road; religions; art of war; commerce.

Введение. На протяжении достаточно долгого времени Азия оставалась туманным географическим регионом, сказочно отдаленным, экзотическим и варварским одновременно. Расширение торговых связей и завоевание Римом отдельных азиатских территорий привело к приобретению регионом более четких очертаний, так же, как и некоторых элементов римского военного искусства и культуры. Особое внимание в статье уделяется менее известным аспектам взаимодействия двух вышеупомянутых цивилизационных общностей, как в культурной сфере, так и в бытовой плоскости.

Источники и методы. В большинстве случаев в качестве источников для изучения главного вопроса данной статьи были использованы свидетельства древних римской и азиатской литературы. Ссылочная информация, использованная в статье, представляет собой информацию из открытых источников, несмотря на то, что тематика вопроса представляется достаточно глубокой и специализированной. Методы: В основном, был использован сравнительно-исторический метод в целях изучения взаимовлияния Римской и азиатской цивилизаций и соответствующего взаимного влияния различных культурных феноменов.

Степень разработанности вопроса. Существует большое количество работ по истории цивилизаций и развития культур, посвященных регионам владения Римской Империи и Центральной Азии. Обычно в них вопрос взаимоотношений между двумя вышеупомянутыми цивилизационными общностями рассматривается через призму торговых или политических связей, концентрируясь на изучении времени властвования Рима над провинциями в Азии и истории Великого Шелкового Пути. Данная статья пытается подчеркнуть и проанализировать менее известные или менее заметные детали всякого рода взаимосвязей между двумя цивилизациями в целом на протяжении долгого периода времени.

Победа Антиоха III в Магнезии в 189 г. до н.э. обозначила начало присутствия римлян на азиатском континенте. В 129 г. до н.э. была образована Римская провинция в Азии. Позже посредством завоеваний и союзных договоров Риму удалось расширить сферу своего влияния до Кавказа (с помощью мимолетного завоевания верхней Месопотамии царем Траяном). Все эти завоеванные земли и территории представлялись крайне экзотическими, будучи населенными народами с трудными для понимания нравами и обычаями (такими как наличие «церковной проституции» и жрецов-евнухов), где языком свободного общения был греческий, а не латинский: но ведь эти земли были покоренными! За этими пределами Азия изначально входила в состав Персидской империи, к слову, главной угрозы безопасности Рима, внушающего страх врага, который в 53 г. до н.э. в битве при Карре разгромил легионы Красса.

В каждом конкретном случае война против азиатских соседей велась либо в надежде на трофеи и славу для римских генералов и императоров, либо же как неприятная необходимость мстить за поруганную честь, либо с целью защитить государственные границы. Персия представляла собой весомую и реальную дипломатическую и военную проблему, в то же время

являясь для классических авторов своего рода фантастическим миром, в котором все гротескно. Персы погрязли в сластолюбии, оставаясь однако крайне сдержанными в вопросах еды и выпивки; мягки до изнеженности, будучи одновременно грозными воинами, привыкшими к жесточайшей дисциплине [1]. Они, в основном, вооруженные сложным луком с двойным изгибом, были безупречными стрелками. Способности их лучников-наездников были настолько выдающимися, что стали настоящим *топосом** этнографической литературы. Предметом изумления и восхищения была, в частности, та искусственность, с которой пускались стрелы в преследователей, что неоднократно меняло исход битвы в пользу отступающих. Подобная военная искусственность, по мнению Аммиана Марцеллина, исходит из «скифского» происхождения персов [2], и, на самом деле, фактически считалась свойственной характеристикой кочевых воинов Средней Азии, с самых юных лет привыкших оседлывать коня и стрелять из лука [3]. Из множества кочевых народов, проживающих на юго-востоке Каспийского региона, происходят парфянские Аршакиды, а к этому множеству принадлежали также и народности, в общих чертах определяемые классическими авторами как «скифские», которые были задействованы персами во всех своих военных кампаниях (а также и несколько раз принимавшие участие в военных кампаниях Рима, как, например, в 363 г. до н.э., в случае неудачной парфянской авантюры Юлиана [4]).

Страсть к войне и жестокость подобных степных кочевников лучше всего подтверждаются тем фактом, когда в V веке, после периода хороших отношений с имперским правительством, гунны – народ, этногенез которого не выяснен до конца, но, очевидно, носит центральноазиатское происхождение, – предали огню и мечу всю Европу [5].

«Глубокая» Азия являлась не только угрозой, но и источником предметов роскоши. Благодаря научному открытию характера действия муссонов и совершенствованию морских путей, начиная с эпохи Августа и в дальнейшем, торговые отношения с Индией стали очень интенсивными, достигая по географической протяженности острова Цейлон и, возможно, Суматры и Явы. Из индийских портов поставлялись, прежде всего, ценнейшие специи, в то время как другая существенная статья римского импорта – шелк, дорогостоящий символ социального положения матрон и куртизанок и причина негодования моралистов, таких как Сенека [6], – производился в Китае. Страсть римлян к этому материалу, животное происхождение которого отрицалось, обусловленная мыслью о возможной выработке его из лануго дерева [7], ведет свое начало, возможно, с момента битвы при Карре, когда захваченные у врага знамена из блестящего и сияющего материала в качестве трофея были привезены в Рим. Во II веке, во время расцвета эпохи Антонинов, торговля с Китаем по наземным каналам Великого Шелкового Пути, должно быть, отличалась особой интенсивностью. Разделяющей две великие империи и получающей наибольшую выгоду от торговых путей была, очевидно, парфянская держава, но в некоторых случаях наблюдались и прямые контакты. Китайские источники свидетельствуют о том, что в 97 г. разведывательная миссия, организованная генералом Бан Чао, достигла региона Черного моря, в то время как шестьдесятю годами позже римское посольство было отправлено в Китай императором Ан-тун (Антонин Пий или Марк Аврелий Антонин?). Римские дары были впоследствии зарегистрированы китайскими источниками между 230 и 284 гг. Данные контакты, однако, были обречены остаться лишенными практического смысла (к примеру, никакого исторического значения не было придано запутанной истории «потерянного легиона» – группы ветеранов, которая, неизвестно каким образом, оказалась сражающейся на стороне одного из мелких помещиков хунну, допуская, что история эта все-таки является правдивой).

Во всяком случае, из яркого описания Аммиана Марцеллина следует, что все караваны, направлявшиеся в так называемый римлянами *Sera metropolis*[†], доставляли груз до границы (Великой Китайской стены, которую историк упоминал выше?), где, «без единого слова совершались сделки» [8]. Описывая китайцев как боязливых и изворотливых, а также и сомнительно миролюбивых, в отрывке заметна тенденция проецирования на далекие и плохо известные народы типичного для золотого века изобразительного ряда со стороны античных

* Топос—категория культуры, образ культуры. (Прим. пер.)

[†] Древнеримское название города Сиань, располагавшегося в Сересе, территории, обозначавшей восточную часть Средней Азии, которая считалась местом происхождения шелка (прим. пер.)

авторов; но за детальными обработками легко заметить довольно прагматические реалии централизованного и жестко организованного государства, полного решимости предотвратить возможность пересечения своих границ иностранцем и сохранить грозную тень языкового барьера, почти непроницаемого. Огромные караваны, пересекавшие азиатский континент, останавливались у врат Империи Хан в гостеприимных караван-сараях больших торговых городов, безопасность которых обеспечивалась властью кушан. В большинстве случаев, возможно, косвенных, римские торговцы эпохи империи, несомненно, поддерживали скорее тесные отношения с Центральной Азией, тем более, что согласно «Истории Августов» и других параллельных источников, «бактрийские цари» отправляли своих посланцев как к Адриану, так и к его последователю Антонину Пию, пытаясь снискать дружбу Римской Империи.

Каким мог быть объем торговли товарами, которые из центра Империи достигали центральноазиатских развилков Великого Шелкового Пути и, следовательно, насколько большими были интересы римских предпринимателей, выражено в обилии материальных свидетельств культуры, носящих италийское происхождение, найденных в Беграме, в местности старинного города Каписы, представлявших собой, главным образом, предметы из стекла, а также монеты с изображением Геркулеса, Сераписа и богини Ромы. По крайней мере, однажды торговая экспедиция Римской Империи достигла Памира. Маринус Тирский, географ II века, цитируемый Клавдием Птолемеем, пишет, о торговце македонского происхождения по имени Тициано Маес, который почти определенно в эпоху Адриана, но, возможно, и раньше, прибыл в Ташкуртан, что в китайском Туркестане (недалеко от границы с современным Таджикистаном), в город «Башен из камня» – место, от которого шла дорога к Небесной Империи [9]. По данным китайских агиографов, в своих путешествиях в Индию также и апостол Фома и Аполлоний Тианский, известный чудотворец эпохи Флавия, могли пересекать данный регион [10].

Благодаря международной торговле Центральная Азия выходит (по крайней мере, частично) из мифического тумана и становится четко сформировавшимся регионом для западной географической науки. Геродот в V веке до н.э., перечисляя бактрийцев, согдийцев и саков среди подданных Шахиншаха, допускал, что регионы «внутренней» Азии, «земли за пределами страны Аргипшеев», были совершенно неизвестными [11]. Экспедиция Александра Македонского позволила этим землям войти в историю, но не внесла ничего значительного в географо-этнографическое знание о них. Страбон, подчеркивая недостаточность информации об этой странной экспедиции со стороны историков, сходящихся на мысли, явно отличающейся от представления местных жителей, что Кавказ представляет собой совокупность различных горных систем, и, очевидно, признает за римлянами заслугу повышения осведомленности об этих землях [12]. Действительно, великий географ демонстрирует не только отличное знание истории царствования греко-бактрийцев, но и точных сведений о городах, гидрографии, природных ресурсах и населении региона. Конечно, степи и горы более отдаленных регионов Азии продолжают оставаться полными чудес. Несмотря на то, что они не являются родиной мифологических народностей, таких как амазонки и аримаспы, все же земли эти продолжают оставаться своего рода «по ту сторону земного шара», где прелюбодеяния совершаются публично, а стариков пожирают в соответствии с ритуалами. Даже в самом цивилизованном городе Балхе до прихода туда македонцев больных и умирающих скармливали собакам, а внутренние части городских стен были заполнены их костями [13].

Будучи местом сбора и транзита товаров, идущих из индийского суб-континента и Дальнего Востока, Центральная Азия также является местом происхождения многочисленных материальных благ: войлока, бирюзы и животных, главным образом, бактрийских верблюдов, чью силу римляне имели возможность оценить во время военной кампании против царя Митридата. Также с центральноазиатских территорий Римской Империей будет позаимствована деталь одежды, которая кардинально изменит позднеантичную манеру одевания: *камиза*. Она стала новым видом туники, тканном из единого куска ткани, но моделированным при помощи четырех строчек; одеянием современного типа, облегающим тело и имеющим настоящие, в прямом смысле слова, рукава. Будучи традиционным одеянием кочевых наездников, она использовалась в Сирии и Египте примерно в 250 году, что было засвидетельствовано письменными источниками, и распространилась оттуда по всей Римской Империи.

К сожалению, вместе с товарами стали распространяться и различные болезни. И это общеизвестная закономерность, от которой пострадала и Римская Империя, пораженная в конце II века эпидемией оспы, которая распространилась через воинов Авидия Красса в Месопотамии и чей очаг с точностью определяется в Кушанском царстве, находящемся в самом сердце Центральной Азии.

Даже с того момента, как в 204 г до н.э. анатолийское божество Кибела совершила триумфальное вхождение в Вечный город, став самой почитаемой *Великой Матерью богов*, Азия продолжала оставаться для Римской Империи неиссякаемым источником религиозных воззрений и культов: *ex oriente lux!** Касательно зороастрийской доктрины, (бактрийское происхождение которой признается во всех греко-римских источниках [14], начиная от Ктесия) интерес к ней Запада восходит к академии Платона, III век до н.э., которая, в свою очередь, усматривала в ней истоки греческой философии. Намного позднее, около середины II века, Апулей непосредственно будет писать о том, что Заратуштра был первым, кто научил людей правильно почитать богов [15]. Но восхищение перенятой с Востока древнейшей мудростью сопровождается тенденцией, характерной тому, что принадлежит к дальним, а, следовательно, по определению, и вражеским странам. В работах Плиния Старшего эта *магия*, которая исходит от Востока, представляется отвратительным «преступлением против природы», которое Римское государство считает исторической миссией и моральным долгом разрушить [16]. Парадоксально и то, что вместе с «наукой магов» с иранских территорий приходит, однако, также и культ Митры, строгого учения о спасении, обреченного на огромный успех в Римской империи, в частности, среди военных.

Как свидетельствуют писания Климента Александрийского [17], в Римской Империи можно было наблюдать, по крайней мере, некоторые отголоски и буддистского учения. Если это возможно, как думают многие, что буддистские миссионеры могли достигнуть Александрии на борту кораблей, совершавших челночное плавание между Индийским океаном и Средиземноморьем, можно также допускать, что некоторые фрагменты буддистских воззрений могли быть переняты подданными Канишки, великого правителя, во время владычества которого буддизм получил решительный импульс, будучи впоследствии распространен по всей Центральной Азии и на территории Китая. О монашеских общинах, таких как в Фаяз-тепе или Бамиане, мог ссылаться Аммиан Марцеллин, когда, цитируя Гомера, писал о «людях набожных и праведнейших, привыкших пренебрегать смертными грехами» [18].

Но непримиримость Римского государства в вопросах идеологии и религии, уже проявленная по отношению к магии, проявилась особенно радикальным образом в позднеантичный период, когда уже христианство стало единственной религией, разрешенной в Империи. С этого времени Азия становится своеобразным убежищем для религиозных изгнанников. Когда в 529 г Юстиниан издает указ о закрытии философских школ в Афинах и Дамаске, являвшихся последним оплотом знаменитой Академии Платона, существовавшей на протяжении девяти веков, некоторые ученики и последователи перемещаются во владения шаха Хосрова I. Чуть ранее «дорога изгнания», ведущая в Азию, уже была проторена многими последователями христианских течений, считавшихся еретическими, в частности якобитами и несторианцами. Преследуемые долгое время властями Империи, эти христиане, сторонники еретических христологических воззрений, нашли новую родину в центральноазиатских землях, где заложили основу для процветания и уважения своей общины, как, к примеру, той, что пребывала в Самарканде, о которой в XIII веке писал Марко Поло [19].

Выводы. Задолго до того времени, как Руи Гонсалес де Клавихо пытался установить дипломатические отношения с Амиром Тимуром, события, получившие свое развитие в самом сердце азиатского континента были далеко не маловажными для западного мира. Миру науки всегда было хорошо известно, что, несмотря на очень глубокую и узкую специализацию, характерную как для романистов, так и для востоковедов, орбиты которых располагаются на довольно далеком друг от друга расстоянии, существует большое количество научных исследований и работ, посвященных сложному предмету взаимоотношений между космополитической и империалистической Римской Империей и географическим регионом, определяемым как Центральная Азия. Однако, за пределами *hortus clausus* научного мира,

* С востока свет! (прим. пер.)

разговор приобретает совсем иной характер, к сожалению. Даже сегодня, рассматривая доисламскую эпоху, исторические произведения научно-популярного характера и европейские научные справочники представляют территорию, находящуюся на стыке Персидской Империи, Китаем и Индийским суб-континентом, как пустое пространство, сводясь к традиционному образу бесконечной и безжизненной степи, волны варварства которой время от времени изливались на соседние цивилизованные государства. Речь идет о чрезвычайно большом культурном пробеле, с целью восполнить который автор и подготовил данную работу, желая одновременно повысить уровень видимости региона Центральной Азии для массового читателя в международном масштабе, позволив донести последнему всю важность, которую играл этот регион в древнее время.

Примечания:

1. Ammianus Marcellinus XXIII.6.75 (Аммиан Марцеллин).
2. Ammianus Marcellinus XXXI.2.20 (Аммиан Марцеллин).
3. Herodotus 1.136 (Геродот); Ammianus Marcellinus XXXI.2.20 (Аммиан Марцеллин).
4. Ammianus Marcellinus XXIII.2.7 (Аммиан Марцеллин).
5. Ammianus Marcellinus XXXI.3.1 (Аммиан Марцеллин).
6. Seneca, *De Beneficiis* 7.9.5 (Сенека).
7. Gaius Plinius Secundus, *Naturalis Historia* 6.54 (Плиний Старший).
8. Ammianus Marcellinus XXIII.6.68 (Аммиан Марцеллин).
9. Tolomeus, *Geographika* 1.11.7 (Птолемей).
10. Philostratus, *Vita Apollonii* 2.4. (Филострат).
11. Herodotus 4.16, 25 (Геродот).
12. Strabo 11.6.4 (Страбон).
13. Strabo 11.3.11, 8.6 (Страбон).
14. Ammianus Marcellinus XXXIII.6.32 (Аммиан Марцеллин).
15. Apuleius, *De Magia* 26 (Апулей).
16. Gaius Plinius Secundus, *Naturalis Historia* 30.1.1-2.11 (Плиний Старший).
17. Clemens Alexandrinus, *Stromata* 1.15 (Климент Александрийский).
18. Ammianus Marcellinus XXIII.6.53, 62 (Аммиан Марцеллин).
19. Marco Polo, *Il Milione*, p.51 (Марко Поло).

УДК 930.85

Римская империя и Центральная Азия

Убальдо Лульи

Университет мировой экономики и дипломатии, Узбекистан
100137, Ташкент, проспект Мустакиллик, 54
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: ubaldolugli.uwed@gmail.com

Аннотация. Целью статьи представляется прослеживание взаимовлияния древних римской и азиатской цивилизаций, особое внимание уделяя при этом азиатскому измерению в культурной области. Освещаются аспекты воздействия торговых и коммерческих отношений на развитие обеих цивилизаций, не говоря уже о влиянии взаимных военных столкновений и завоеваний территорий обеих сторон. Особое внимание в статье уделяется вопросу влияния различных древних государственных образований на территории Азии на превращение Рима в действительно многонациональную, космополитическую империю.

Ключевые слова: Римская империя; Индия; Персия; Китай; Великий шелковый путь; религии; военное искусство; торговля.